

СЮЖЕТЫ • ОБЩЕСТВО

«Земля казалась мне живой, а каждый взрыв — раной на ее теле»

Два года войны глазами одной украинской женщины — жены командира БМП и мамы солдата

Иллюстрация: «Новая газета Европа»

11:00, 24 февраля 2024,

Юлия Загарницкая

специально для «Новой газеты Европа»

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Эту историю психолог из Ирпеня Юлия Загарницкая писала не для публикации, а для себя. Как она сама объясняет это на своем профессиональном языке, «сработала копинг-стратегия», то есть стратегия преодоления стресса. Написать на бумаге то, что ты пережил, — одно из действий, которые помогают. Не сосредотачиваться на своей тревоге, а наблюдать и описывать всё, чему ты становишься свидетелем, — именно этим и занялась Юлия. И говорит, что ей стало легче.

Кроме того, ведь она дала себе обещание: в тот момент, когда она готовилась к смерти и не верила, что они смогут выехать из прифронтовой зоны, в которой с сестрами и детьми оказались в начале войны, — непременно всё это описать. И обещание свое Юлия сдержала. «Новая-Европа» благодарна Юлии и ее семье за возможность опубликовать эти свидетельства очевидца.

Посмотрите на эти два года войны глазами одной украинской женщины.

Война не должна становиться статистикой. От войны нельзя уставать, пока она идет.

Часть I. Бегство от войны и возвращение

Приходит новый день,
Встаёт рассвет...
Мне без тепла никак —
Горят мосты...

Как будто бы за год
Я прожила сто лет...

Так хочется спросить:
А ты? А ты?

Мне кажется, что жизнь
Как будто не всерьёз...
Всё кубарем летит,
Поправ мечты...
Я столько в этот год
Не выплакала слёз...
Я просто море слёз...
А ты? А ты?

Летит в пучину бед
Наш век быстрее...
И ненависти груз —
Проклятье темноты...
Ведь можем мы любить
В сто раз сильнее —
Я это поняла,
А ты? А ты?

Но если тьма пришла —
В душе зажгите свет,
Нам вера не даёт
Сорваться с высоты...
Мы доживем с тобой
До славы и побед...
Я верю и молюсь,
А ты? А ты?

Нам суждено страдать
Сильней, сильней,
Чтоб вырваться на свет

Из темноты...
Я много поняла
За эти сотни дней,
Я это приняла,
А ты? А ты?

Январь 2023, Светлана Барабан

До 24 февраля

С декабря 2021 года по нашим телеканалам всё время говорили, что существует высокая вероятность вторжения российских войск в Украину. Что к украинским границам опять стянуто огромное количество войск, как это уже было весной. Но Россия упорно комментировала: «Наши войска, наша территория, где хотим, там и стоим!»

Военные учения российской армии недалеко от украинской границы в Ростовской области, 26 января 2022 года. Фото: Министерство обороны России / Anadolu Agency / Getty Images

С таким «добрым соседом», который уже оккупировал в Украине Крым в 2014 году, частично оккупировал Луганскую и Донецкую области, которые стали так называемыми «ДНР» и «ЛНР», проведя незаконный референдум под дулами автоматов, мы всё равно переживали. И где-то за месяц до начала войны «тревожный чемоданчик» я всё же собрала.

Счастье, что буквально за день я повесила все сканы документов на облачный диск. И заправила до полного бака обе наши машины. Потом уже я смогла заправиться только на границе с Польшей...

За пару дней до войны ко мне зашла соседка. Увидев мои сумки в коридоре, сказала: «Ты что, серьезно?! Да я тебе точно говорю: никакой войны не будет!» И так говорили многие мои друзья.

Мой муж служил в армии. Он приехал домой на одну ночь 22 февраля. Это был его день рождения. Мы его скромно отметили

домашним ужином. Потом ему позвонили и сказали в четыре утра быть на месте. Уже где-то месяц он ездил на службу на нашей старой машине, а вторая, которую мы только купили, была у меня. Но в тот день наша «старушка» поломалась, и я сдала ее на станцию техобслуживания (СТО). Муж уехал на новой машине.

В то время муж был командиром БМП-1. Целые дни они проводили на полигоне.

Андрей, муж Юлии, 2022-й год. Фото из личного архива

Начало вторжения

24 февраля около пяти утра муж позвонил мне из части и сказал, что Россия напала на Украину почти на всех границах. Он просил, чтобы я забрала дочку, кошку и уехала. Я решила выехать к сестре в глухое село, думая, что военные действия развернутся в городах. Людмила с семьей уже несколько лет как перебрались жить в село, поближе к природе. И я подумала, что

там мы могли бы быть вместе и я смогла бы помогать ей с детьми. У Люды их четверо, и младшим всего два и четыре года. Если там станет опасно, то мы выедем дальше все вместе.

Я решила ехать к ним, но как? Машина на СТО. Моя машина была еще не готова, и я решила ее забрать как есть. Ее собрали без ремонта, пришлось подождать около двух часов. За это время я сложила еще немного вещей. Но у меня было такое тревожное состояние, что мои мысли сильно путались. Я слышала взрывы и видела дым вдалеке, со стороны Гостомеля. Через некоторое время со СТО позвонили, и я забрала машину.

Над домами виден дым от взрывов. Фото из личного архива

Потом мы с дочкой погрузили вещи. Я решила взять их побольше — всё, что влезет в машину. Ведь неизвестно было, насколько это всё затянется. Также мы взяли одеяла и подушки. Я очень люблю своё одеяло, но сейчас взяла одеяло мужа. И

потом оно стало для меня его символом: я каждую ночь укрывалась им с головой и представляла себе, что муж рядом...

И от этого мне было немного легче, так как мы остались с дочкой и кошкой без покровительства своих мужчин. Муж и сын были на фронте, защищали от оккупантов Украину, нашу землю, наш народ. Как же тяжело женщинам оставаться без мужчин!

Одеяло мужа. Фото из личного архива

Когда мы грузили вещи, у нас на лавочке под домом сидели девушка с парнем. И я слышала, как она говорила по телефону: «Это через пару дней закончится, и всё будет хорошо!» Я еще подумала: «Дай Бог, но лучше уехать».

Бегство из Ирпеня

Далее целым квестом было выехать из Ирпеня. На дорогах машины стояли просто в одной бесконечной пробке. За два часа я смогла продвинуться где-то на 50 метров. При этом моя поломанная машина уже гудела, и был слышен запах гари. Я решила развернуться и поехать другой дорогой. Но и там оказалась в пробке. Мне позвонил муж сестры и сказал, чтобы я ехала через лес, дорогой, которую я не знала.

Я добралась до леса и уткнулась в грунтовую очень разбитую влажную колею болота. Она была такой глубокой, что на своей поломанной машине я сразу застряла бы там. Поэтому я развернулась, чтобы вернуться обратно. Но тут опять позвонил муж сестры и сказал: «Развернись обратно и едь! Ты больше нигде не сможешь выехать!!! Юля, ЕДЬ!»

Сколько раз потом я слышала эту фразу: «ЮЛЯ, ЕДЬ!!!»

Я развернулась и направилась в это болото. Днище машины скребло, но я ехала и не останавливалась. Один раз машина просто поплыла по колее, и я испугалась, что сейчас застряну... но — проехала! Вернее, проплыла. И через пару десятков метров выбралась из леса на трассу. Это было просто чудо! Там мы встретились с мужем сестры. Он как раз забрал старшую дочку из Киева, и за несколько часов мы доехали до села. Следом за мной прибыла вторая сестра с дочкой четырех лет. Заправить машину уже было невозможно: заправки были закрыты, а у тех немногих, которые работали, — очередь была на много километров!

Автомобили выстроились в очередь на заправке в Киеве, Украина, 24 февраля 2022 года. Фото: Сергей Долженко / EPA-EFE

Жизнь в «серой зоне»

В селе, куда мы приехали, нас ждал новый сюрприз. Оно находилось где-то за 100 км от границы с Беларусью... Была вероятность, что российские войска пойдут и с этой стороны, граница большая... но не в нашем же селе!!! Но они пошли именно с нашей стороны! На основной дороге их разбили украинские военные, и они свернули на проселочную дорогу, совсем рядом с нашим селом. Поэтому бои у нас начались с первого дня. Соседние села были уже оккупированы. Так мы оказались в «серой зоне» между российскими и украинскими войсками.

За пару дней мы уже научились различать звуки крылатой ракеты, «Града», гаубицы и танка. Никогда не думала, что в моей жизни будет такой опыт! С территории Беларуси в то время по Украине запускали огромное количество ракет, небо над головой было постоянно исполосовано... Выехать было уже

НЕВОЗМОЖНО, ПОСТОЯННО ШЛИ БОИ...

Конденсационные следы в небе, как украинская ПВО сбивает две российские ракеты, нацеленные на Одесскую область, Украина, 14 марта 2023 года. Фото: Игорь Ткаченко / EPA-EFE

Первые два дня были критическими. Голова кружилась, постоянно хотелось пить, и губы пересыхали. Я не знаю, сколько я выпила литров воды! Сосредоточиться на чем-то было очень сложно. Из души поднималась дикая животная паника, ее невозможно было контролировать! Как будто внутреннее животное взяло верх над разумом.

Мобильную связь, наверное, глушили, потому что с первого дня телефоны ни у кого не работали и не было интернета. Словить мобильный интернет можно было только на горе. Эти дни психологически были очень тяжелыми.

Также в эти дни у меня еще и не было никакой связи с сыном... Телефон его был вне зоны, никто не мог ему дозвониться. Он уже полтора года как служил в армии. В декабре их как раз

отправили в Донецкую область, где с 2014 года постоянно шли бои. А мужа с первого дня отправили на защиту Киева со стороны Ирпеня. И так мои мужчины оба оказались в горячих точках...

Как мы справлялись с чувством тревоги

Что я думала в эти дни, это сложно представить! Но потом я поняла, что мы не можем контролировать всё и главная наша задача — учиться доверять Богу. И просить Его о милости.

«Единственное, что действительно помогало, — это молитвы!» Фото из личного архива

У нас всех проходили трансформации, у каждого свои. Единственное, что действительно помогало, — это молитвы! Слава Богу, с собой я взяла Евангелие, Молитвослов, Псалтирь и свечи. Столько, как во время войны, я не молилась никогда! Молитвы, поклоны... А когда было совсем тяжело, то хватало сил только на «Господи, помилуй».

Муж сестры привез из Киева их семейную икону Богородицы, у которой мы молились. Эта икона была семейной реликвией, пережила Вторую мировую войну и перешла по наследству старшей внучке от бабушки.

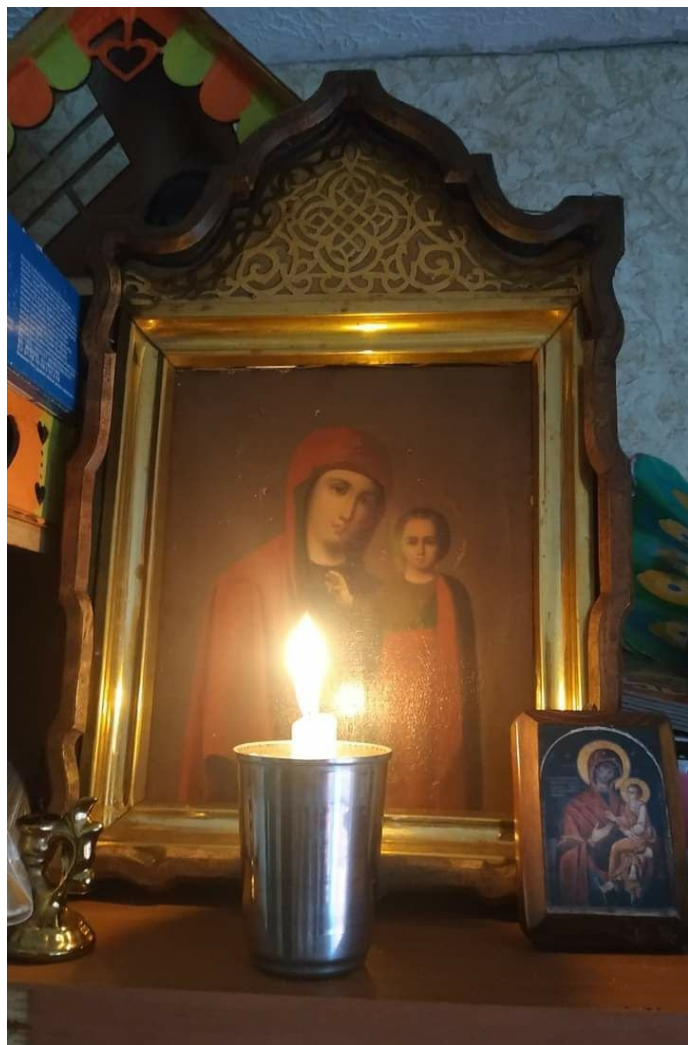

Фото из личного архива

Я постоянно думала о муже и сыне и не могла найти себе места. Было очень страшно!

Помню, как я думала, что, скорее всего, мы все здесь умрем. Я прокручивала в голове свою жизнь... Я была благодарна Богу, что я прожила хорошую, интересную жизнь! Я была благодарна за каждый прожитый день! Только мне было очень жаль наших детей... Они играли и радовались, не понимая, что началась война... Не понимая, что это такое... Они не имели жизненного опыта, не могли сами себя защитить и выжить, если бы с нами что-то случилось. И это было очень горько и страшно... Я

помню, что сказала себе тогда: «Если я выживу, то я это опишу!»

В это страшное время нас было три сестры, шестеро детей и один мужчина — муж сестры.

Я очень хорошо помню тот момент, когда мое внутреннее состояние изменилось. Вечером второго дня мы с сестрой молились в ее комнате. Дети уже спали. После молитвы в комнату пришел ее муж, и мы втроем очень хорошо поговорили. Свет по вечерам мы не включали, окна были забиты одеялами, в комнате горела свеча, и от этого атмосфера была какой-то особенной. Мы говорили, что высока вероятность того, что мы все здесь умрем... Но нам надо помнить, что у нас — бессмертные души! Вспомнили фразу из Библии:

«Для меня и жизнь Христос, и смерть — приобретение», приняли это в душе.

Поговорили о том, что если мы верили в это всю свою жизнь, то сегодняшние события — это экзамен, и надо пройти его достойно.

Каждый вспомнил какую-то душеполезную историю, поговорили, поплакали и обнялись втроем. И я до сих пор помню, как полегчало внутри и стало спокойно. И больше состояние этого внутреннего кошмара не возвращалось, хотя события происходили разные. В тот момент как будто что-то переключилось внутри. С того момента я стала искренне молиться не только за своего мужа и сына, но и за всех наших воинов, за людей, страдающих в Украине от войны. Дикий эгоизм, который просто застилал глаза, немного отступил. Это была моя личная трансформация.

Потом мы решили молиться вместе с теми женщинами,

которые остались в селе. Нас было шесть человек. Решили собираться в доме у женщины, у которой была лежащая парализованная дочь.

Мы носили икону Богородицы с собой, а также с молитвами обходили с ней вокруг домов. Читали Евангелие, Псалтирь, молитвы Богородице, акафист святому Николаю. А в это время гремели взрывы и дрожали окна... После молитв всем становилось легче.

У одной соседки-пенсионерки очень болели ноги, она еле шла, но всё равно приходила на молитву. Так у нас получилась своя маленькая домашняя церковь.

Моя дочка имеет инвалидность, и мне было сложно понять, переживает ли она, она ничего не говорила. Она только всё время ходила с палкой. Видимо, это был ее способ защиты.

Фото из личного архива

Сложнее всего было старшей сестре. Первые три дня она только плакала. Потом говорила, что она вообще не помнит этих дней. Связи мобильной почти не было. Интернета не было все дни, очень редко он пробивался, когда мы выходили на гору, но ходить туда становилось опаснее и опаснее.

Психика реагировала на травматические и шокирующие события: были проблемы с памятью и концентрацией, ступор и зависание. Мы все потерялись в датах и днях недели. Кто-то плакал и не мог остановиться. Кто-то не хотел разговаривать, кто-то, наоборот, много говорил. В воздухе висели страх и неопределенность.

По поводу потерянных вещей — это отдельная история! Мы все постоянно что-то теряли: телефоны, зарядное, документы, лекарства... И постоянно это искали. Мозг работал в каком-то особенном состоянии: мы постоянно «кублились» и перебирали, перекладывали свои вещи. И сразу же всё забывали.

Я могла идти за телефоном, чтобы записать заметку, брала телефон в руки и уже не могла вспомнить, что я хотела записать...

В таких сложных обстоятельствах сознание сужается до туннеля с названием «выжить», всё остальное просто не воспринимается. Вторая сестра периодически зависала и была очень медлительной, но она готовила для нас всех еду, играла с детьми. Мы вместе много молились.

«Дети играли очень тихо. Никто не плакал и не мешал». Фото из личного архива

Дети были большими молодцами и очень сильно самоорганизовались! Младшие играли кучкой с младшими, а старшие — со старшими. И играли очень тихо. Никто не плакал и не мешал. Это было удивительно!

Старшие дети нашли раскраску — карту Украины. Повесили ее на стену и разукрашивали все вместе. Говорили, что они так восстанавливают нашу разрушенную Украину.

Карта Украины, нарисованная детьми. Фото из личного архива

В то время мне пришли на память интересные игры с детьми. Одна из которых, как мы потом это назвали, — «Круг силы». Мы становились все в круг, брались за руки и взрослые, и дети. Потом говорили слова: «Вместе» — руки в круг, «Мы» — руки назад, «Сила» — руки вперед и вверх. Взрослые при этом поднимали высоко вверх детей. Дети очень радовались и всё время просили делать «Силу». Это игра давала нам поддержку, смех, радостные эмоции. Смех детей заряжал нас всех, мы оживали. Любили они и игру «Каравай». Двухлетняя Аня постоянно просила: «Юля, давай делать «карапай»!»! А мы все смеялись.

Смех и юмор были нашим ресурсом, мы вспоминали смешные истории и

поддерживали друг друга.

Еще нам всем стало легче, когда мы провели такую практику. Младшие дети вечером уже спали, мы собрали всех взрослых и детей старше десяти лет. Стали все цепочкой и каждый положил руки тому, кто впереди, на спину в районе лопаток. Первый немного как будто лег на руки тому, кто за ним, а остальные руками как будто держали предыдущего. Я всё время была второй и говорила каждому, когда он ложился лопатками на мои руки: «Весь твой Род за твоей спиной! Он дает тебе свою силу, поддержку, благословение! Весь твой Род с тобой! Почувствуй его силу! Он поддерживает тебя!» Так проходило несколько минут. Потом последний из цепочки переходил вперед, а первый становился на его место. И так первым побывал каждый. Все потом сказали, что после этого стало намного легче.

Мария, старшая племянница, никак не могла поверить в происходящее (да как и мы все), плакала и говорила: «Ну почему у меня такая молодость?! То коронавирус, теперь война!» Иногда по вечерам мы с ней закрывались в бане, поскольку выходить из дома было опасно, а больше уединиться нам было негде. Мы смотрели скачанные ранее ролики из ютуба, обсуждали психологию, вспоминали интересные и смешные истории и хоть как-то возвращали себе кусочек прошлой жизни.

Еда и вода

Это были наши еще одни большие страхи. Каждый привез с собой продукты, но количество их всё же было ограничено, а нас было десять человек. И продукты уходили быстро. Магазины и аптеки в селе не было, ехать мы никуда не могли: мост взорвали, дорогу заминировали. Вода была, пока был свет. Когда свет пропал — насос не работал. Поэтому мы заранее набрали

воду во все емкости, которые были в доме. Даже освободили банки из-под круп и набрали воду в них.

Через пару дней мы решили, что, так как мы не знаем, насколько мы тут, то еду надо бы экономить. Порции наши уменьшились. Но всё же готовили вкусную еду, пока был свет, — даже пекли пирожки и пироги. Один раз я испекла пирог, но так как духовка незнакомая, то он сверху сгорел. Принесла и говорю: «Извините, какая жизнь — такие и пироги!»

Как-то у сестры в доме на полке я нашла пакет с чем-то похожим на сухие грибы. Спросила у ее мужа: «Что это?» Он говорит: «Это сухой навоз! Можешь пока не есть!» Мы долго смеялись!

Как-то я шла через двор. Соседка рассказывала: «Смотрю, Юля идет. Взрыв. Юля подпрыгнула и остановилась. Посмотрела по сторонам и с невозмутимым лицом пошла дальше! Железные нервы!» Это было моей особенностью с детства — оставаться невозмутимой в сложных ситуациях. Наверное, поэтому я и выбрала профессию психолога. Это помогало мне работать в травмотерапии, часто сталкиваясь с тяжелыми историями людей, их утратами, пережитым насилием и болью.

Большое счастье, что в домах у нас были печи. В этот период так похолодало, а потом еще и выпал снег в марте! Сестра с мужем и их четверо детей жили в новом доме. Я с ребенком и вторая сестра с дочкой — в старом доме. Нам всем приходилось возить себе дрова и топить печи. Утром и вечером, иначе было очень холодно. Поэтому спички до сих пор всё время в моем кармане.

Дрова для растопки печи. Фото из личного архива

Подготовка к худшему

Обстановка становилась всё напряженнее. В один из дней муж сестры позвал нас поговорить наедине. Он сказал, что нам надо научиться пользоваться оружием. Он объяснил, что соседнее село уже в оккупации и сюда тоже могут прийти. Тогда, скорее всего, его убьют первым, а мы должны уметь себя защитить. Муж сестры занимался охотой. Он принес помповое оружие и начал нас учить. У сестры получалось плохо, она очень нервничала, в итоге она сказала: «Учи лучше хорошо Юлю, я всё равно ничего не могу запомнить!» И я училась. Слава Богу, что мне не пришлось из него стрелять!

Мы также поговорили со старшими детьми, что если с нами что-то случится, то чтобы они договорились между собой и каждый старший смотрел за одним младшим ребенком.

Вскоре к нам зашел сосед и сказал:

«В нашем лесу я уже видел военных, возможно, ночью близко будет бой. Но вы не переживайте. Если вы не слышите автоматную очередь, то ничего страшного!»

Мы легли спать. Все дни мы спали одетые. Только куртки и обувь лежали у каждого рядом с кроватью. Первый раз я спала в пижаме только через 14 дней.

Около трех часов ночи начался очень сильный бой. Я проснулась от того, что слышу автоматную очередь. Это было так страшно!!! Это была самая страшная ночь для меня! Сердце в ту ночь так колотилось, что казалось, оно выскочит из груди! Наверное, я навсегда запомню ощущение, как гудит земля от взрывов! Это просто леденящий ужас... Ужас всех живых существ, объединенных в одно. Земля тогда тоже казалась мне живой, а каждый взрыв — раной на ее теле. Это было ужасно...

В старом доме мы с сестрой были в соседних комнатах. На следующий день она сказала, что они боятся и хотят быть с нами. Было уже поздно, она долго носила свои вещи, стелила на полу свою постель. Комната маленькая, мы с дочкой спали на кровати, а они — на полу. Рядом с сестрой была дровяная печка, мы топили ее, так как было очень холодно. Мы все долго крутились, вертелись, и вот наконец-то все улеглись. В комнате наступила полная тишина. И в этот момент сама по себе открылась дверца печи с таким страшным скрипом! Мы все испугались, а потом рассмеялись от всего этого ужаса и напряжения.

Как-то во время обстрела сестра умудрилась перенести и поднять на подоконник мешок цемента, который мы потом вдвоем не могли сдвинуть с места!!! Это был воистину пример того, что матери в экстренных ситуациях творят невозможное,

защищая своих детей!

Мы понимали, что нужно укрытие от осколков, а прятаться нам было негде. Тогда мы с мужем сестры и соседкой выкопали прямо во дворе блиндаж за два часа! Накрыли вход бронированной дверью, которую промыслительно не так давно сестре отдали друзья. Занесли в него воду и печенье. Показали детям укрытие, сказали, что это будет такая игра — прятаться там.

Блиндаж с бронированной дверью. Фото из личного архива

Фото из личного архива

Во время войны я часто вспоминала фильм «Остров». Вражеские войска были очень близко, и у всех нас был большой страх оккупации или того, что к нам могут прийти диверсанты. Мы уже слышали новости из соседних сел, что российские военные вели себя очень жестоко: мужчин расстреливали, а женщин насиловали. Если удавалось с кем-то созвониться, мы только и слышали про зверства «кадыровцев».

И вот в такие моменты душу охватывала животная паника, которую очень сложно было унять. Я тогда часто вспоминала фрагмент фильма, где двое людей были перед выбором, когда на них направили дуло автомата. Я вспоминала, как курил невозмутимый и молчаливый Тихон и как паниковал и унижался перед врагом Анатолий. И я думала о том, что это такие серьезные вещи, от которых нельзя зарекаться, мол, да я — никогда!

Никто не знает наверняка, как он поведет себя в какой-то конкретной ситуации перед лицом смерти. Я всегда говорю себе: «Я не знаю, как я себя поведу, как поступлю.

Хочу поступить так и так. Господи, помоги мне в таких ситуациях быть верной своим убеждениям! Дай мне сил!» Но гарантий нет...

В те минуты я думала, что у нас у каждого в душе есть свой «Тихон» (наш внутренний стержень) и свой «Анатолий» (животные рефлексy, паника). И в критических ситуациях между ними идет борьба. И знания психологии помогали мне лучше понять свои животные инстинкты, принять их и успокоить. Потому что отрицание «Анатолия» (да я — никогда!) не гарантирует победу «Тихону», когда дуло автомата у твоего лица или у лица близких людей.

Фрагмент из фильма «Остров». Фото: скрин видео

Отъезд сестры

Старшая сестра не находила себе места, всё время хотела уехать. Мы с Людой уезжать не хотели, так как внутреннее чутье

говорило четко: нет, еще не время. Когда должно было наступить «то время», сказать сложно, опасно было постоянно, каждая поездка для людей была как лотерея. Одни соседи поехали, у них забрали на блокпосту машину, и они пешком пришли через два дня, другие проехали под обстрелами и уехали на Западную Украину.

Мы не знали, что нам делать. Когда мне удавалось дозвониться до мужа, они тогда стояли на Житомирской трассе, он говорил мне, по возможности, не ехать никуда, так как на дорогах творится ужас, гражданские попадают в танковые бои... Что это очень опасно!

В те дни, когда я думала о том, чтобы ехать куда-то, у меня до такой степени поднималась тревога, что я понимала: нет, не надо сейчас! Ведь интуиция меня никогда не подводила.

Тело погибшего гражданского на трассе E40 в 20 км от Киева, Украина, 2 апреля 2022 года. Фото: Михайло Палинчук / SOPA Images / LightRocket / Getty Images

Сосед предложил сестре с дочкой отвезти их через лес на железную дорогу. Предложил и нам, но мы отказались. Очень много маленьких детей, а ехать надо просто в неизвестность. И они поехали сами. На дорогах они увидели много разбитых и горящих танков. Дочка сестры очень боялась этих картин и людей с автоматами. Она в ужасе спрашивала:

«Они что, будут стрелять?!» От блокпоста до блокпоста, лесами им удалось доехать до вокзала за 50 км от нас. На вокзале они еле-еле влезли в поезд, дочку люди взяли к себе на руки, а сестра ехала всю дорогу, стоя в невероятной толпе, и плакала...

Потом, как она рассказывала, ее встретили в Польше и сказали: «Не переживай, всё хорошо! Сейчас помоешься, переоденешься, и станет легче!» Сестра опять очень расплакалась, так как переодеться ей было не во что.

Бегство в Польшу. Дочка сестры. Фото из личного архива

Позже сестра встретила со своим другом-поляком, и когда он увидел, что в ее рюкзаке лежат только вода, печенье и молоток, то они обнялись и долго вместе плакали...

Они зашли в магазин. Но, как сестра сказала, она не могла видеть этих довольных и беззаботных людей! Ей хотелось кричать: «Очнитесь! Посмотрите, что происходит в Украине!!! Как вы можете спокойно тут ходить???» Она вышла из магазина и попросила друзей самим купить ей необходимые вещи.

Узнав, что они смогли уехать на поезде, мы тоже хотели на следующий день выехать так же. Но вечером эту железнодорожную станцию разбомбили ракетами.

Родители

Мы очень переживали за родителей и скучали по ним. Они в

это время были на даче в Киевской области, где тоже было очень опасно! Рядом в села заходили российские войска, высаживали десант с вертолетов, окна дрожали от взрывов, на поля падали сбитые беспилотники. Соседние села были уже оккупированы. Иногда мы созванивались, когда пробивалась связь, старались не плакать в трубку и очень надеялись, что скоро мы сможем всё же собраться все вместе в родительском доме и покушать мамины пирожки!

Родители Юлии. Фото из личного архива

8 марта. Дорога в Польшу

В эту ночь дом ходил ходуном, и бои были снова совсем близко. Все были напуганы и переживали. Утром к нам переехали еще одни друзья сестры, которые жили неподалеку: у них стало слишком опасно. Рядом наши военные сделали блокпост и уже заходили в наше село. Муж сестры и его друг подошли к ним поговорить. Военные сказали: «Вывезите отсюда женщин и детей. Мы вас пропустим по заминированной дороге». После

этого мы стали собираться. Моя машина была поломанная, ехать на ней не было возможности. После того как уехали сестра с дочкой, у нас осталась ее машина. Она сказала, что я могу взять ее.

Интересно, что в первый день войны, когда сестра ехала сюда, она не могла проехать уже по обычной дороге, и ей пришлось сделать крюк через город Радомысль. В этом городе родился наш отец, и там когда-то жили наши бабушка и дедушка. И только там сестра смогла заправиться на полный бак, как она сказала: «Бабушка и дедушка помогли». Как это было промыслительно, потому что потом уже заправиться мы нигде не могли, а этого бензина мне хватило до Польши!

В этот день еще и выпало много снега, хотя это не свойственно для весны...

Фото из личного архива

Я боялась ехать на чужой машине. Боялась, что меня расстреляют по дороге, заберут машину на блокпосту... Более того, моя машина — механика, а эта — автомат, на такой

машине я никогда в жизни не ездила, она больше моей по габаритам.

Когда мы покупали новую машину, то стоял вопрос, взять «механику» или «автомат». И я попросила мужа взять «механику». Я сказала, что так мы все будем помнить, как ездить с механической коробкой, и на автомате сможем поехать. А если будем ездить на автомате, то не факт, что поедem на машине с механической коробкой. А в жизни всякое может быть. Муж согласился. Это потом мне очень пригодилось, так как с начала военных действий мне довелось потом ездить на пяти разных автомобилях!

В тот день мы просто забросили все вещи в машины и собрались выезжать. Вещей мы брали немного и разделили их на две машины.

Мы переживали, что по дороге у нас могут забрать и машины, и вещи. Брали теплые вещи и одеяла, опасаясь, что придется ночевать с детьми в лесу.

Я просила мужа сестры попробовать хоть немного проехать по двору. Но он показал мне, как переключать передачи, хлопнул по плечу и сказал: «Юля, ЕДЬ!» У нас просто не было времени! И я стартовала. Провела за рулем этой машины 40 часов, проехала две страны и первый раз смогла поспать один час только больше чем через сутки. В дороге на ходу «методом тыка» включала кондиционер, радио, поправляла сиденье и зеркала...

Как только мы выехали, в село зашли наши военные и поселились в наших двух домах.

Поездки в те дни на машинах были лотереей: кто-то проезжал спокойно, кто-то оставался без машины, кто-то попадал под обстрелы и в зону боевых действий, кого-то расстреливали...

Машины после обстрелов в зоне боевых действий

Мы выехали. Нас пропустили наши военные. На въезде и выезде в любой населенный пункт были блокпосты, у нас у всех проверяли документы, а машины обыскивали. На меня косились все военные, так как машина была очень дорогая. Но пропускали. Поначалу, когда машину обыскивали, военный засовывал руку в разные места в машине, в одеяла, в сумки и везде доставал пакет крупы. И когда он в очередной раз опять достал крупу, мы все вместе засмеялись со словами: «Что вы хотите? У нас пятеро детей!»

Фото из личного архива

В тот день, когда мы выехали, выпал снег и было очень холодно, от этого на душе было еще более тоскливо и страшно. Ехать, когда совсем рядом идут бои, в никуда, с детьми да еще и в такую погоду... Было очень страшно! В одном месте мы попали просто в снежную бурю, и я не видела, куда я еду. Но потом вышло солнце — и на душе стало легче. Как добрый знак. Какой-то длинный период мы ехали по дороге совсем одни. Машин больше не было. Как потом нам сказали на блокпосту, что на параллельной дороге шли российские войска, и поэтому там никто не ездит. Но, Бог милостив, мы не видели их, а они — нас.

Я ехала в машине с двумя детьми, со своей дочкой и дочкой сестры. Один раз мы остановились у придорожного кафе. Оно было закрыто. Но хозяин вышел и открыл его, напоил нас всех горячим чаем, разогрел еду, которая у него была. Мы обнимались и плакали. Дети немного побегали и сходили в туалет.

Остановка у придорожного кафе по дороге в Польшу. Фото из личного архива

Ехать так долго без сна и отдыха мне было очень тяжело. Чтобы не заснуть за рулем, я пела вслух песни, повторяла английский, разговаривала с детьми. Большой ответственностью было еще и везти в машине детей. Когда я просила остановиться и отдохнуть, муж сестры говорил: «Юля, ЕДЬ!» С Божьей помощью и чудесами мы смогли выехать из Украины в Польшу. На границе было просто пекло: огромный поток людей с колясками, детьми, чемоданами. В основном женщины с детьми и инвалиды в колясках. От усталости и напряжения много машин въезжали друг в друга.

9 марта. Среди беженцев

Мы нашли лагерь беженцев в Польше, чтобы немного поспать. Большое спасибо полякам, как они помогали украинцам! Они огромные молодцы! Кормили нас горячей едой, детям дали игрушки, детское питание. Дали нам сим-карты для телефонов.

В лагере круглосуточно сменялись волонтеры, поляки приносили вещи, еду и деньги для покупки необходимого. Всё это было с большой любовью и отогревало наши сердца.

Людей было огромное количество. Мы были в потерянном и оглушенном состоянии, очень уставшие.

И пока мы заполняли анкеты, мы в ужасе обнаружили, что потеряли в этой толпе маленькую Аню! И в этот момент мы не знали, что страшнее: война или потерять ребенка.

Мы бегали и кричали, искали ее повсюду! Это внутреннее состояние вообще невозможно передать словами! Мы нашли ее в палатке, где раздавали игрушки. Это было такое облегчение и счастье — найти ее в этой огромной толпе! Сестра плакала и обнимала ее.

С того момента мы очень тщательно контролировали всех детей. Позже мы слышали много страшных историй о потерянных детях и женщинах, которые уехали на автобусах якобы с волонтерами и пропали. К сожалению, война и хаос активизируют торговцев людьми, и об этом надо помнить.

После пережитого шока, когда я вошла в помещение, всё внутри меня просто сжалось... Там стояли раскладушки, на полу — матрасы человек на сто, лежали люди, дети, коты, собаки. В тот момент я впервые осознала, как ужасно ощущать себя беженцем...

Украинские беженцы в Центре гуманитарной помощи на Ptak Warsaw Expo рядом с Варшавой, Польша, 23 марта 2022 года. Фото: Albert Zawada / EPA-EFE

Я поняла, что я не смогу там спать среди такого большого количества людей, что я лучше пойду спать в машину. На улице была палатка волонтеров, рядом они готовили на костре еду и рубили дрова. Они разрешили мне поспать в их палатке. Палатка была пустой. Я легла. В нескольких метрах от меня рубили дрова, и я подпрыгивала от каждого удара топора. Но я так устала, что сказала себе: «Спи, хуже, чем если ты умрешь, — ничего не будет, а это ты уже приняла»... И, наконец-то находясь в безопасности и отпустив контроль, я провалилась в сон. Потом меня разбудили, и мы поехали дальше.

Ближе к вечеру мы приехали к старшей сестре. Она жила в общежитии для украинских студентов и помогла получить комнату и для нас.

Позже я часто возвращалась в памяти к этому моменту и думала: «Почему мы так мало поспали в лагере беженцев?»

Почему не остались на полдня? Сутки? Почему ехали дальше, такие уставшие?» Сейчас я понимаю, что это наша испуганная психика гнала нас. Мы были так напуганы, что хотели уехать от войны как можно дальше! И только в конечной точке своей поездки могли успокоиться и расслабиться.

Март в Польше

Дальше всё было в восприятии каким-то одним днем. Никто из нас не знал даты и не мог назвать день недели. Чтобы понять это, всё время приходилось смотреть в телефон. Мы все подпрыгивали от громких звуков, приседали от летящих самолетов. И так было у всех.

Еще у меня с первого дня войны напрочь пропали сны. Обычно это были яркие картинки, которые я помнила годами. А тут просто пустота. Легла — и встала. То ли они не снились, то ли мозг их не мог запомнить. Так было около двух месяцев.

Как-то муж сестры купил торт. Мы так его хотели! Но только когда съели, осознали, что вкуса так и не почувствовали...

Приехали мы все в очень сложном психическом состоянии... Мы ничего не замечали вокруг, еда не имела вкуса, мы даже не заметили, что пришла весна и расцвели цветы, мы все застряли где-то в феврале.

Мы взяли с собой только зимнюю одежду и даже не замечали, как в теплую весеннюю погоду нелепо выглядели среди других людей.

Первыми начали отходить дети. Как после заморозки наступает оттаивание, так и дети по очереди начали плакать. Каждый из

них плакал почти целый день. Как сказал четырехлетний Давид: «Я плачу и не могу успокоиться!»

«Дети играли в игры про войну». Фото из личного архива

Дети играли в игры про войну, прятались в «домики», говорили друг другу: «Я тебя спасу! Я укурю тебя одеялом, и ты не замерзнешь!» Дети проигрывали в играх свои травмы...

У нас проходили свои процессы, мы все так же всё теряли и забывали, только к этому стало добавляться дикое раздражение и огромная усталость! Иногда срывались на детях, ругались друг с другом, но потом, слава Богу, мирились.

В общежитии для беженцев. Фото из личного архива

Мы все переживали о том, как люди, оставшиеся в Украине, переносят ужасы войны, как там наши родные и воины. Старшая сестра постоянно занималась сбором волонтерской и гуманитарной помощи. Помогала украинцам в Польше и воинам в Украине. Мы с Людой молились.

Мы с сестрой были безмерно рады, что мы, как близнецы, наконец-то воссоединились. Когда мы оказались вместе, наша сила как будто удвоилась и на душу пришло успокоение. Мы обе только тогда поняли, как тяжело нам дается разлука, ведь последнее время мы так редко виделись. Мы всё время были вместе, помогали друг другу с детьми, готовили по очереди еду и много молились.

«Мы с сестрой были безмерно рады, что мы, как близнецы, наконец-то воссоединились». Фото из личного архива

15 марта. Коты

Коты всегда чувствуют опасность. Перед войной наша кошка всё время сидела перед дверью, как будто хотела выйти. Когда мы уезжали из Ирпеня, она молча залезла в свою корзину (хотя обычно ее надо было ловить для этого) и ни разу не мяукнула в машине...

Когда мы уезжали из села, я понимала, что я не смогу взять ее с собой. Ей было 13 лет, недавно сделали операцию, надо везти корм, горшок, у мужа сестры аллергия на котов, полная машина детей. Я попросила соседку, которая оставалась в селе, кормить кошку. Оставила ей денег, корм, ключи от дома, и мы уехали. Сердце тосковало за родным членом семьи....

И вот через неделю утром мне звонит соседка и говорит: «Юля, я не знаю, як тобі це сказати.... В общем, кіт помер...» Я сказала, чтобы она не переживала, что она ни в чем не виновата. Что я

ей благодарна, что она согласилась помочь мне в такой тяжелый период жизни. Очень благодарна!

Бася и Рыжик. Фото из личного архива

За всю жизнь у нас было два кота. И, что интересно, они были как копии нас с мужем! Наш Рыжик был похож на мужа, такой же разбышака (хулиган. — **Прим. ред.**), а Бася — спокойная, белая и пушистая! Но с характером, один ее взгляд чего стоил! Даже сухой корм она ела поштучно, поднимая его в лапке. Несколько лет назад, к сожалению, Рыжик умер от болезни почек. Мы долго и тяжело это переживали всей семьей. А теперь и Бася ушла... На душе было очень тяжело...

Я не говорила пока об этом мужу и сыну, так как они бы сильно расстроились.

17 марта. Люди и фейки

Сестра послала наше фото в блиндаже с детьми своей свекрови, которая живет в Израиле. Та показала это фото своей подруге из России. Люди из разных точек мира пытались достучаться до россиян и показать им реальность происходящего в Украине. Так как в российских новостях говорили о том, что их военные пришли в Украину освобождать нас от нацистов (кто это?) и что люди радостно их встречают! И что бьют они ракетами только по военным объектам.

На что подруга ей ответила: «Это фейк!» И никакие аргументы, что это ее невестка и внуки, не помогли! У свекрови даже подскочило давление после этого разговора. Когда сестра мне рассказывала это, я подумала: «Выходит, что мы, реальные люди, — это фейки! Что зверства в нашем родном Ирпене и Буче — это постановка, как в театре!» Так говорили российские новости. Я расплакалась в тот момент, так обидно было, что мы — «фейк».

Ирпень, дом после обстрелов. Фото из личного архива

19 марта

Я узнала, что в Ирпене в наш дом прилетел снаряд. Но я не знала, насколько разрушена наша квартира. Дом моей подруги в Лютеже был разрушен до подвала, а соседи были убиты российскими ракетами. В доме наших друзей в Ирпене был штаб российских военных, там остался невероятный свинарник. Хотя и свинарник — это неподходящее слово для того, чтобы описать состояние их квартиры. Моя знакомая пенсионерка из Бучи провела четыре дня в подвале, где их закрыли оккупанты. У моего знакомого из Гостомеля застрелили жену в машине, когда она пыталась вывезти ребенка. У подруги в Буче застрелили племянника в упор. Это всё истории людей, которых я лично знаю.

Я шла по городу, села на лавочку. Смотрела на людей, на предметы вокруг, на природу и никак не могла понять: что я тут

делаю?? Как я здесь оказалась?? Мне хотелось проснуться и вернуться в свою прошлую жизнь, в жизнь «до войны», в свой дом, чтобы рядом были мои близкие и всё было как обычно! И я так расплакалась. Я плакала и плакала, как Давид, и не могла остановиться... Через какое-то время я сказала себе: «Ты всё еще не принимаешь эту реальность. Ты всё еще на стадии отрицания». И я сказала себе: «Да, я всё еще не принимаю эту реальность!» Вытерла слезы и пошла жить дальше.

25 марта

В этот день я впервые с начала войны одна поехала в гости к друзьям во Вроцлав. Это моя бывшая школьная учительница из Украины и ее дочка. Спасибо полякам, весь проезд для украинцев был бесплатным. Сначала я долго привыкала к тишине в поезде. Там было всего несколько человек. Дети не шумели, не плакали, и это было так непривычно!

Когда я приехала, друзья меня встретили, и мы долго обнимались. Мы никак не могли поверить, что нам удалось выехать. Они показали мне достопримечательности города, мы погуляли у реки, зашли в старинный костел, где еще раз поблагодарили Бога, что мы живы. Чтобы порадовать меня, друзья сводили меня в кафе, зная, как я люблю сладости. Они купили мне торт — и тогда я впервые почувствовала вкус сладкого торта!!! У него был вкус!

Юлия в гостях у друзей в Вроцлаве. Фото из личного архива

Мы гуляли в парке, и я впервые заметила красивые цветы. И они меня радовали! Похоже, что именно с того дня я начала оживать.

Это так приятно — встретиться с родными по духу людьми! Когда не нужно лишних слов, вы и так всё понимаете... Я вернулась другим человеком, наше общение наполнило меня новыми силами.

Как только я приехала в свой город, то сразу началась моя обычная жизнь в большой семье.

Фото из личного архива

29 марта

Целый день я переживала, на сердце было очень тяжело. Уже несколько дней как у мужа шли бои, он присылал смс по типу «молись» или «сильно молись». Мы с сестрой старались молиться несколько раз в день, чтобы от нашей тревоги хотя бы был толк. Чтобы это была помощь нашим воинам и родным — наша молитва.

Вечером дети никак не могли уснуть, сестра их укладывала. Я читала молитвы. В этот момент позвонил муж, голос у него был очень тихий и слабый. Сердце сжалось от боли... Он сказал, чтобы я не переживала, что, когда они освобождали село от оккупации, была перестрелка и его ранили. Больше всего пострадал кишечник. Но его смогли доставить в больницу и уже прооперировали. Дальше предстоит еще одна операция. Врачи сказали, что ему очень повезло, что он остался в живых. Их

слова были: «Наверное, за вас очень сильно молились!»

Андрей, муж Юлии. Фото из личного архива

Спасибо большое побратимам моего мужа, что вытащили его с поля боя! Ведь, пока идет бой, забирать раненых нельзя. Но потеря крови была такой большой, что если бы его не вытащили сразу, то вряд ли его бы довели до больницы с таким тяжелым ранением.

Господи, я благодарю тебя за то, что мой муж жив! Сколько боли и страданий может выдержать человек...

11 апреля

Обстановка в Украине была опасной, муж не разрешал мне ехать к нему. К нему приходил наш друг, приносил всё необходимое. Муж чувствовал себя лучше, начал ходить.

Каждый день мы созванивались и переписывались.

Быть так далеко в такие моменты жизни очень трудно. Каждый день я много работала, чтобы отвлекать себя от тревоги и тоски. Каждый вечер дочка спрашивала меня: «Мама, почему ты плачешь?» Но ехать туда, где летят ракеты и идут бои, оставив ребенка с инвалидностью в другой стране, я тоже не могла. И ехать с ребенком тоже был не вариант.

В этот день мне было особенно тревожно. Я позвонила мужу и попросила, чтобы он включил видео. Он включил. Мне было очень тяжело не плакать во время разговора... Выглядел он очень плохо, намного хуже, чем раньше... Что-то было не так, но я не могла понять что, а муж говорил, что всё хорошо. Как только я положила трубку, я сказала сестре, что с мужем что-то не в порядке, ему явно стало хуже. Я больше не могла быть так далеко! Я попросила старшую сестру посмотреть за нашей дочкой, купила билет на поезд и в обед уже выехала в Украину.

Дорога

После всего пережитого я очень боялась возвращаться в Украину. Я боялась громких звуков, боялась незнакомых людей, боялась увидеть разрушенные дома и дороги, боялась звуков сирен. Но я не могла больше оставаться там. По дороге я часто плакала...

Мне позвонила старшая дочка сестры и сказала: «Юля, я так хочу тебя поддержать, но не знаю как.... Юля, пожалуйста, держись!.. Потому что мы все — на тебе!» Эти ее слова были для меня такими важными в тот момент!

Когда я собиралась, сестра сказала взять мне с собой маленькое одеяло и подушку. Вещей всё равно получилось много, я ответила, что возьму только подушку. Добираться мне нужно было на двух поездах. Мы прибыли поздно вечером. Через полчаса у меня на границе была пересадка на другой поезд до

Киева. У меня была тяжелая сумка и пакет. Когда я ехала в поезде, то в купе познакомилась с мужчиной, который был на заработках, а сейчас ему пришла повестка, и он возвращался в Украину, чтобы воевать. Остальные люди в купе были поляки. И когда мы шли на пересадку, то он всю дорогу нес мою тяжелую сумку! Спасибо ему большое!

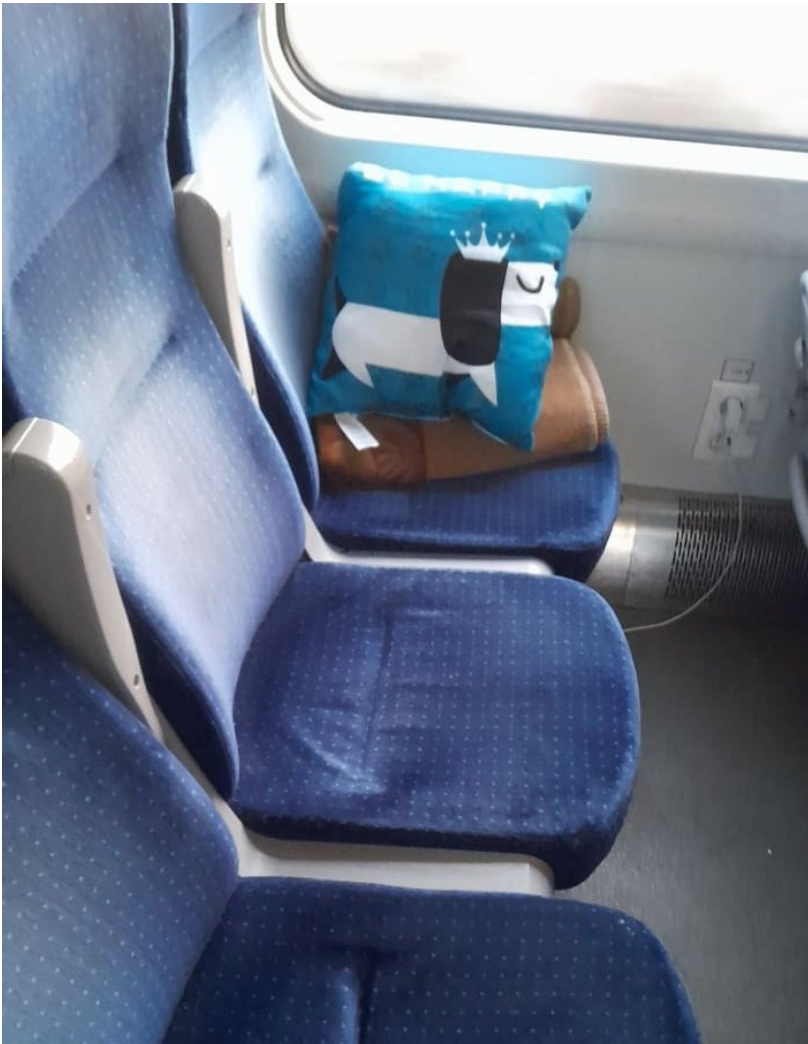
Украинцы стоят в очереди на паспортный контроль на вокзале Пшемьсль, Польша, 22 декабря 2022 года. Фото: Artur Widak / NurPhoto / Getty Images

Дальше мы все ждали на улице в очереди на паспортный контроль. Тут нам сообщили, что поезд задерживают на два часа. А в итоге его задержали на четыре часа, и всё это время мы стояли ночью на улице! В Польше было уже тепло, а тут, на границе, ночью было очень холодно. Я достала из сумки и надела еще один свитер, а на ногах были только джинсы и кроссовки. На вокзале украинцам волонтеры давали горячую еду, вещи первой необходимости и пледы. Огромная благодарность польским волонтерам за их помощь в то невероятно трудное время для нас! Днем и ночью они тратили

свое время, чтобы помочь украинцам! Иногда мы выходили из очереди и брали еду, чай, бутерброды. Но каждый боялся выйти надолго: вдруг в этот момент приедет поезд, а он потеряет ночью свою очередь, и ему придется идти в самый конец. Поезда всё не было и не было...

Я очень замерзла, решила пойти к волонтерам и попросить плед. Как оказалось, их уже все раздали, пледов больше не было. Я обошла все пункты, но ничего не нашла. И вот в одном месте молодой католический священник раздавал еду в павильоне. Он услышал мой вопрос и вышел ко мне. Сказал, что постарается помочь. Надел куртку, и мы опять обошли все волонтерские пункты на вокзале. Пледов не было. И вот в последнем пункте его долго не было. Потом он вышел и протянул мне одеяло. Не плед, а одеяло! Я была очень ему благодарна! Пусть Бог благословит всех людей, творящих добро для других людей в трудную минуту!

Бог был милостив ко мне, я обернулась одеялом и согрелась. Поезд пришел только после трех часов ночи. Так в Киев я приехала всё равно с подушкой и одеялом!

Подушка и одеяло, выданные волонтерами. Фото из личного архива

Киев

Когда я ехала, сестры сильно переживали за меня, постоянно писали мне смс: «Как там? Не опасно? Не страшно?» После всего пережитого нам всем было сложно представить себе возвращение обратно. Одна мысль об этом уже вызывала сильную тревогу.

Мне было страшно и одиноко. Когда я заезжала на территорию Украины, мое сердце колотилось от страха. Атмосфера и энергетика были мрачными и тяжелыми. Я сказала сестрам, что мне сложно оценить, насколько тут безопасно, так как в вагоне нас было двое: я и еще одна женщина... От этого было еще тяжелее на душе.

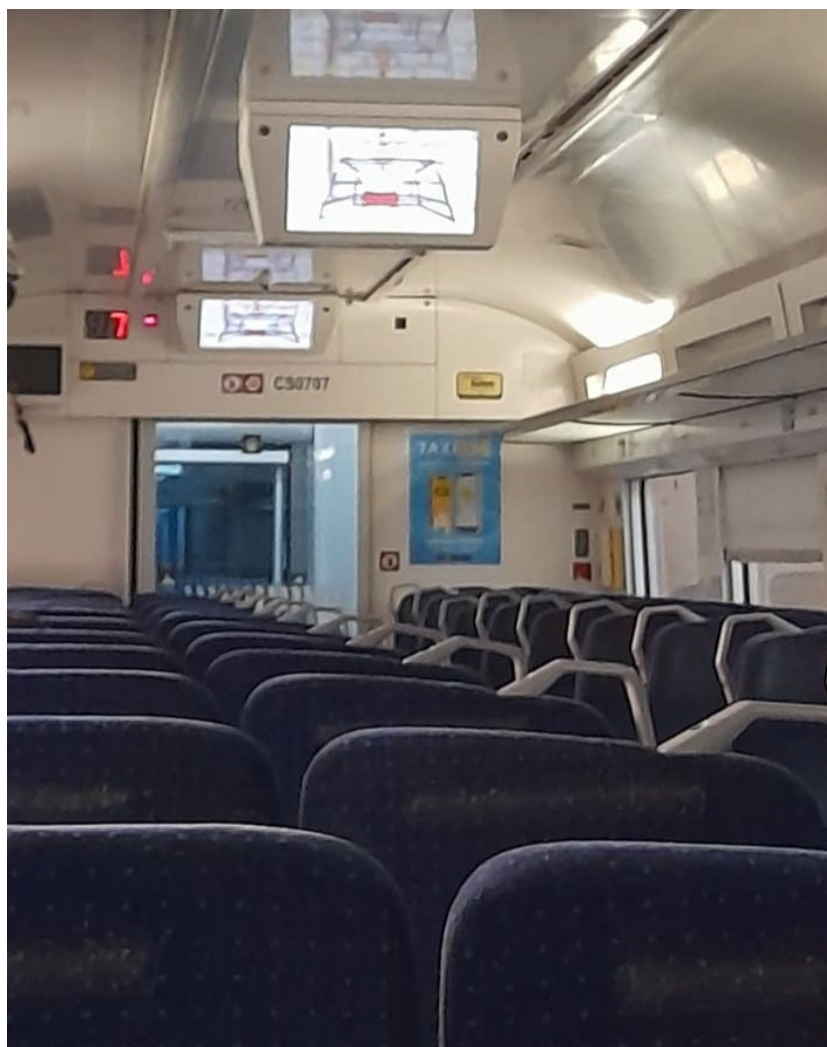

Фото из личного архива

Пока я ехала, мне дважды позвонили знакомые с соболезнованиями, что мой муж умер... Я говорила, что, слава Богу, он жив, что он ранен, не знаю, откуда у них была такая информация....

В Киеве было много военных и блокпостов. Прежде чем выйти с вокзала, я прошла два блокпоста, проверяли документы и все сумки.

Когда я приехала, был вечер. Я позвонила врачу, муж еще не знал, что я в Киеве. Врач сказал, что состояние мужа ухудшилось и его перевели в реанимацию. Скорее всего, ему будут делать гемодиализ. Что у него отказали почки. На первый план вышло сейчас не ранение, а работа внутренних органов. Она вся резко нарушилась. Врач сказал, что так проявляется контузия внутренних органов. Лечения от этого нет. Организм

должен пережить этот кризис и начать работать самостоятельно. Нужно время. Вечером мне не разрешили идти к мужу, чтобы не тревожить его. Сказали прийти утром.

Меня встретил наш кум и близкий друг, забрал к себе домой. Я приняла душ, он принес пиццу. Мы хотели вместе поужинать, но я прилегла и уснула. Кум рассказывал, что они с женой очень переживали, как я буду реагировать на сирены, которые ночью включились. Но я их не слышала. Я так устала, что прилегла и уснула до утра. Без пиццы.

Встреча с мужем в больнице. Фото из личного архива

Встреча с мужем

Утром я поехала в больницу. Надела халат, врач завел меня в реанимацию. Муж не видел меня, я была за спиной врача. Он сказал мужу, что ему сегодня есть сюрприз! Я подошла к нему.

Он так не ожидал меня увидеть, что слезы сразу покатались по его лицу! Первое, что он мне сказал: «Прости меня, что я поймал пулю!»

Я ответила, что в этом нет его вины, что такие тяжелые испытания никогда не приходят случайно, поэтому нам нужно собраться и достойно всё это пережить! Что я теперь рядом и нам будет легче! Что всё будет хорошо.

Врачи спросили, есть ли у меня где жить. Я сказала, что нет: Ирпень был закрыт, а в наш дом еще и попал снаряд... Спасибо большое врачам: они разрешали мне быть рядом с мужем. Я ухаживала за ним, а ночевать я ходила в его палату.

Часть II. Больница

«Клянусь любить тебя в горе и в радости, в богатстве и в бедности, в болезни и в здравии...»

Обвал

Шли дни...

Ирпень только-только освободили, но он еще был закрыт на въезд. Наш район не был в оккупации, но в наш дом попал снаряд. Он попал в пятый этаж, разрушив четыре квартиры и крышу. Наша квартира на первом этаже сильно не пострадала: только выбило окна на балконе и открыло окна в кухне, разлетелись стекла, разбились цветы. Слава Богу, за всё это время в квартире никто не мародерил.

Сын был на фронте, дочка была с моей старшей сестрой в

Польше. Сестра Люда с семьей переехала к друзьям в Швейцарию. Теперь мы, три сестры, все были в разных странах.

Война продолжалась. Я жила в больнице. Днем приходила к мужу в реанимацию: сидела с ним, делала ему массаж, сажала его и поднимала, рассказывала разные истории, читала вслух книги.

Состояние мужа в реанимации было критическим, я видела, как нервничают врачи. Несколько раз ему делали гемодиализ, так как его анализы показывали, что почки не справляются... Людей привозили и увозили в палаты, а он всё еще был в реанимации.

Я помню один день, когда он был совсем плох... Я еще услышала, как врачи собрали консилиум по его анализам: они были ужасные. Ко всему еще добавилась какая-то новая проблема со свертываемостью: она сильно понизилась. При этом сильно повысился сахар, и ему кололи инсулин.... Как говорили врачи, после потери такой большой части кишечника в организме случился обвал... обвал всего! Организм был в шоке и не понимал, как ему работать дальше.

Врачи, спасибо им огромное, делали всё возможное и невозможное! Тогда я впервые в жизни увидела шесть капельниц одновременно, каждые два часа ему делали анализы и постоянно корректировали лечение, что-то добавляли, что-то снимали.

Андрей. Фото из личного архива

Врачи были честны со мной. Они видели, что я разбираюсь в медицине (многие думали, что я врач), и поэтому прямо говорили мне всё как есть: «Мы не знаем, что будет дальше. У нас нет лекарства, чтобы запустить почки... Организм должен пережить этот кризис и заработать сам. Мы можем только поддерживать его и ждать, что он заработает. В своей практике мы делаем плановые операции, где мы знаем, что мы вырезаем. При такой политравме — это внезапная огромная потеря кишечника, травма грудной клетки, контузия. От пули Андрей получил удар такой силы, как будто ему в грудь въехал автомобиль! Организм в шоке. Он должен понять, как ему работать дальше».

В какие-то моменты я видела смерть на его лице... Я видела это раньше на лицах других

людей, которые умирали. До сих пор помню тот день, когда я пришла на обед в палату, мне так хотелось разрыдаться!

Просто от отчаяния и осознания истинного положения дел... Но я сказала себе: «Тебе не нужно об этом думать! Тебе нужно просто верить! Верить, что он будет жить! Просто верь!» Я тогда прямо физически ощущала эту веру, как будто я растянула резинку и держу. Держать ее тяжело и очень хочется отпустить! Просто бросить! Но я держала. Я ощущала, что, если я ее брошу, — он сразу же умрет. Если я поверю, что он умрет с такими анализами, — то так и произойдет. Я просто знала это. Я ощущала это. Физически. Поэтому я верила. Я ходила к нему, улыбалась, ухаживала за ним. И верила. Вечером, когда приходила в палату, молилась. Читала акафисты любимым святым, просила своими словами.

До моего приезда Андрей вставал и ходил. А сейчас я просто не могла в это поверить, что он раньше ходил! Он просто лежал. Он уже не вставал и не садился. Позже, когда я начала его поднимать, то каждое движение давалось ему с трудом, была сильная задышка. А как только он ложился обратно, то сразу же засыпал. Сразу же, в ту же минуту.

А потом, слава Богу, ему стало легче, состояние начало стабилизироваться. Это было ЧУДО! Кризис миновал.

Мужчина, раненный во время обстрела. Фото: Hannibal Hanschke / EPA-EFE

21 апреля. Еще одна операция

Проходили дни. Ничего не предвещало беды. Состояние Андрея понемногу стабилизировалось. Был обычный день, и утром его позвали на очередную перевязку. После нее в палату зашел врач и сказал, чтобы я не переживала, но его сейчас заберут на операцию. Что она будет несложная, его скоро привезут ко мне в палату.

Но на операции что-то пошло не так, ее делали долго, часа три, а потом вышел врач и сказал, что состояние сложное, мужа переведут в реанимацию...

После операции, в этот же день, началось новое осложнение... Врачи обнаружили, что в легких собралась жидкость. Они сделали пункцию и откачали 2,5 литра жидкости! На следующий день она собралась опять... Врачи сказали, что это плохо и надо ставить дренаж с аппаратом Plevovac. Это была

очень тяжелая и болезненная процедура. Как Андрей потом рассказывал, от пули при ранении ему было не так больно, как от этой процедуры. После этого он не только не вставал, а даже и не шевелился...

Я приходила к нему и делала массаж, двигала его ногами так, как будто он ходит. Потому что он даже не ворочался.

Врачи говорили, что мне надо его поднимать, сажать, но ему было так плохо, что он кричал, чтобы к нему не приближались и не трогали его!

Через три дня стало легче, и дренаж, слава Богу, сняли. Всё, что было наработано до этого, опять вернулось к тому, что он не поднимался сам, не садился, не ходил... Всё надо было начинать сначала.

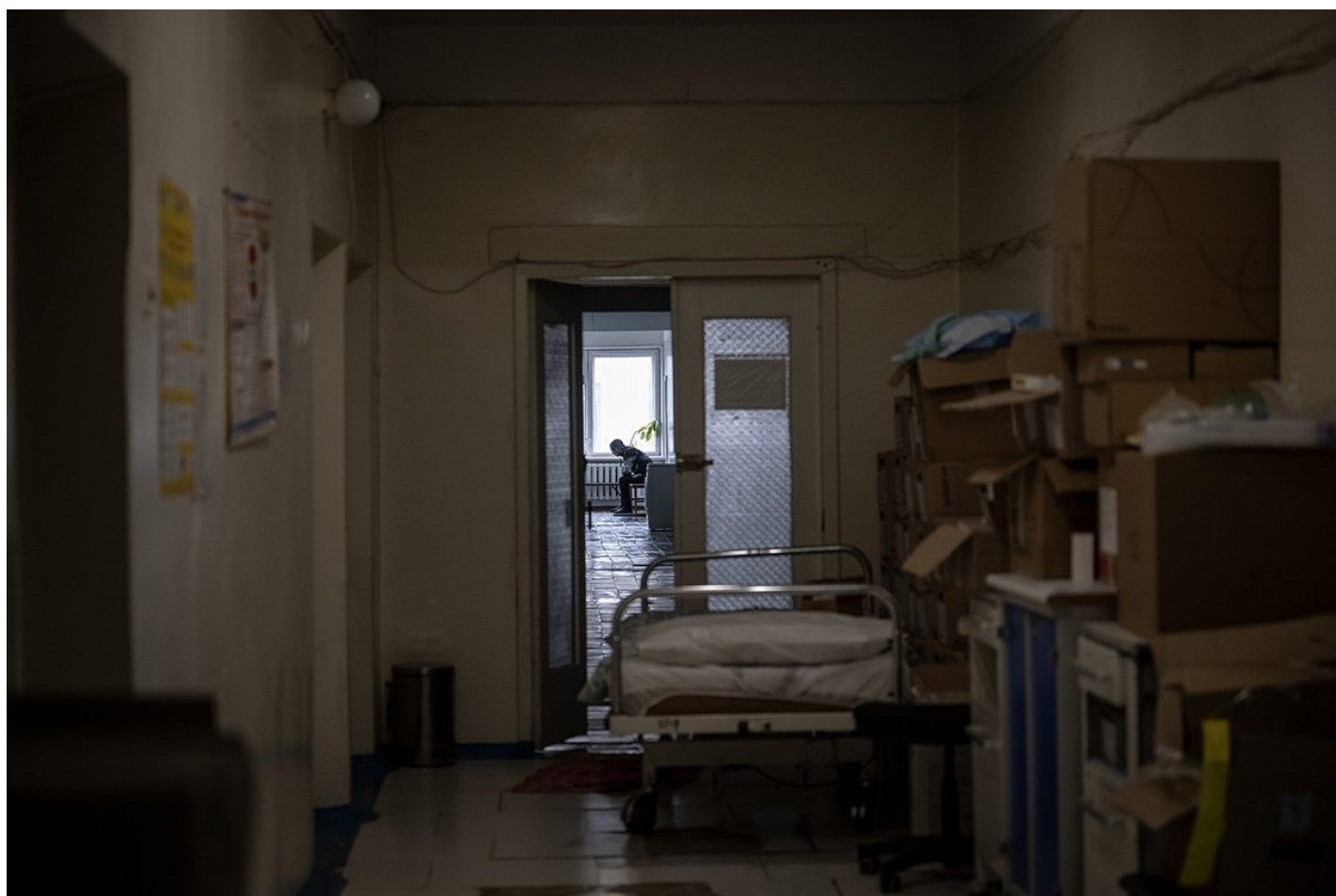
Молчание

Когда муж был в реанимации, у меня вообще не было ресурса с кем-либо общаться. Я не хотела разговаривать, кому-либо что-то объяснять, рассказывать. Я не говорила своим родителям, что я вернулась в Украину. Хотела, чтобы кризис в состоянии Андрея миновал. Муж запретил говорить его маме и родным, что он ранен. Он знал, что его мама будет плакать, а от этого ему будет только хуже.

В те дни я даже не могла переписываться с сыном, за которого постоянно переживала. Всё, что я могла, это раз в день написать ему «Как ты?» Он отвечал: «Всё ок». Это его любимый ответ. И всё. Мы не говорили ему, что папа ранен. Муж и сын были близки, часто до этого созванивались и поддерживали друг друга. Я сказала, что он на задании и с ним нет связи. Сын был

там, где шли серьезные бои и были постоянные обстрелы. Мы очень ждали ротации, но ее всё не было. На какие-то разговоры и переписку у меня просто не было психических сил. Единственное, что я могла, — это молиться за него.

Прошло несколько дней. Андрей почти всё время молчал. Я предлагала включить телевизор — нет. Включить музыку и надеть наушники — нет. Смотреть фильмы на ноутбуке — нет. Он очень долгое время лежал и молчал. Я не могла понять, как можно несколько месяцев лежать и молчать! Я не знала, что он думает, как себя чувствует. Потому что он почти всё время молчал. У меня был ноутбук, я делала свою бумажную работу, выходила на онлайн-конференции, учила польский язык и смотрела фильмы. Это молчание мужа меня и пугало, и злило. Мы долго были в палате одни. Я понимала, что, находясь постоянно рядом, я при этом имею дефицит общения.

Больничной корридор. Фото: Ozge Elif Kizil / Anadolu / Getty Images

«Не бойся! Капитан рядом!»

Когда Андрей был в реанимации, коллеги с работы и друзья выслали мне денег, которые тогда нас очень выручили! На моей работе мы переходили из проекта в проект и какое-то время не получали зарплаты. Нам предлагали остановить свою работу на неопределенное время, так как она не будет оплачиваться. Но все работали в обычном режиме. Психологи нашей организации продолжали свои консультации бесплатно. Мы не могли оставить людей без поддержки в такое тяжелое для всех время. И для меня это тоже про наших людей!

Мужу должны были платить боевые выплаты, но первый раз эта выплата пришла через пять месяцев! Что-то не так оформили в документах. А заниматься этим вопросом он не мог...

Дни были похожи друг на друга. Перевязки мужу, работа и постоянная тревога. Порой я старалась не смотреть новости, жить здесь и сейчас, улыбаться и радоваться пению птиц, природе, общению с людьми. Иногда я включала музыку в наушниках и танцевала, улыбалась. Чтобы хоть немного подавать мозгу сигналы о приятном среди всего этого ужаса...

Помню, в больнице я впервые начала видеть сны. Их не было где-то два месяца. Я подумала, что, несмотря ни на что, моя психика постепенно восстанавливается. Что это хороший знак, что вернулись сны!

Шло время... Но война витала всё так же в воздухе, тревоги и взрывы, мысли о сыне не давали забыть о тяжелой реальности. Мысли о здоровье мужа пугали ожиданием новой операции, неопределенностью.

Люди спускаются в бомбоубежище. Фото: Вячеслав Мадиевский / Украинформ/ Future Publishing / Getty Images

Любые громкие звуки до сих пор сильно пугали меня. Однажды ночью была такая сильная гроза! Я тогда так боялась, сердце опять выскакивало из груди. Гром был совсем не похож на гром, а напоминал разрывы снарядов. Я постоянно говорила мужу, что я боюсь, а он отвечал: «Не бойся! Капитан рядом!»

Прошло какое-то время. Как-то в очередной вечер я села к Андрею на кровать, чтобы сделать ему массаж ног. Он не ходил, мышцы были очень слабые, а кожа — сильно сухая. Каждый день я мазала ему ноги кремом. И тут Андрей тихим заговорческим голосом рассказал мне анекдот: «Дедушка говорит внучке: «Дай мне газету!» Внучка говорит: «Дедушка, газеты никто уже не читает! Это прошлый век! Возьми лучше айпад». Муха так и не поняла, чем ее убили». Мы как начали смеяться! Андрей смеяться не мог, держался за живот. Сказал: «Перестань смеяться, я не могу!» Это было так душевно! Такие моменты в жизни для меня самые настоящие. Первый раз за всё

время мы искренне смеялись.

С того момента, видимо, Андрею стало как-то немного легче, он даже пару раз попросил включить телевизор, смотрел какие-то передачи про животных и сразу же просил переключить, если вдруг попадало на новости.

«Дни были похожи друг на друга. Перевязки мужу, работа и постоянная тревога». Фото из личного архива

Встреча с родителями

Я долго не говорила родителям, что я приехала в Украину и что Андрей ранен. Он был в реанимации, их бы к нему не пустили. Ничем, кроме переживаний, они мне помочь не могли.

Ездить по городу было всё еще опасно, были ракетные обстрелы, множество блокпостов, дороги были перегорожены во многих местах. Я знала, что если я скажу родителям, то они

точно сразу же приедут сюда с дачи. А я не хотела переживать еще и за них. Я звонила им по вайберу и не говорила, что я в Украине.

И вот однажды родители приехали в Киев по делам, и мама позвонила мне. Я поняла, что сейчас лучший момент для встречи: мне тогда не надо ехать далеко к ним на дачу, а они могут приехать сейчас ко мне в больницу. И я им сказала, что Андрей ранен. Они очень расстроились и переживали...

До сих пор помню нашу встречу. Я шла по улице вдоль больницы, увидела вдалеке родителей! Папа пошел мне навстречу и первое, что сказал: «Как ты могла нам не сказать?!» Я обняла его и ответила, что я тоже их люблю и очень скучала! Мы подошли к маме и долго все обнимались. Мы не могли поверить, что мы все живы и можем обнять друг друга!

Родители. Фото из личного архива

Родители были такими, как будто они вышли из катакомб: нестриженные, в старой дачной одежде, замученные и седые... Каждому досталось пройти свой нелегкий путь...

Я попросила врача, чтобы он разрешил маме ненадолго зайти к Андрею в палату. Врач разрешил. Папа сказал, что он лучше подождет на улице, нервничал. По дороге я старалась подготовить маму к тому, что Андрей сильно изменился. К тому времени он уже похудел где-то на 20 кг.

Когда мы вошли в палату, было видно, что мама всё равно не ожидала увидеть его таким, она нервничала и от этого непривычно много говорила. Говорила обо всём на свете, рассказывала какие-то дачные истории, чтобы только не остаться в этой пугающей тишине.

Как я и думала, родители начали приезжать к нам в больницу, хотя еще было очень опасно! Они приезжали к нам, привозили нам свежей еды. Всегда привозили дачные цветы, давали их Андрею, а он торжественно дарил их мне! Это был уже целый ритуал! Папа помогал мне вывозить Андрея на улицу в кресле, помогал возить его вокруг больницы, когда мы выходили на прогулку.

Фото из личного архива

Третья операция мужа

Как-то в больнице я спросила у медсестры, долго ли лежат тут после таких операций, как у Андрея. Она с сочувствием посмотрела на меня и сказала: «Да, это небыстро. Месяца два, а то и больше. Был парень, лежал полгода...» И я подумала тогда: «Два месяца?! Полгода?! Как долго!» Даже не могла себе этого представить....

Прошло четыре месяца. Мужа стали готовить к операции по закрытию стомы. Хотели сделать раньше, но состояние не позволяло. Врачи говорили, что операция несложная, около двух часов. Сделали необходимые анализы и обследования.

И вот его забрали на операцию. Операция длилась больше семи часов.

Врачи то забегали, то выходили, что-то приносили... Потом вышел лечащий врач и сказал: «Всё очень сложно... Гораздо сложнее, чем мы ожидали... Мы сделали всё, что смогли. Теперь одна надежда, что он молодой и сможет пережить эту операцию...»

Первые сутки врачи почти не отходили от мужа, смотрели, как он. Слава Богу, ему становилось с каждым днем легче, и он шел на поправку.

Андрей после операции. Фото из личного архива

Это удивительно, как от кишечника зависит наше лицо! Когда мужу вывели стому, он так изменился в лице, что я просто не могла его узнать! А как только кишечник присоединили обратно, утром это уже было его обычное лицо. Организм человека воистину уникален!

Прошло две недели, муж чувствовал себя всё лучше, ходил, иногда его отпускали поехать домой.

Осложнение

В этот день мы тоже приехали домой. Андрей лежал, я работала. Вечером Андрей позвал меня поменять ему повязку, потому что она протекла. Когда я наклонилась к нему, увидела, что шов разошелся!

Мы так испугались, что у меня аж задрожали руки от ужаса! Мы понимали, что что-то порвалось, понимали, что всё это может растекаться внутри брюшной полости, а это очень опасно! Я сразу же позвонила врачу. Наш врач тогда был в отпуске, и его временно заменял другой врач. Было около девяти вечера, он сказал срочно ехать в больницу, что он тоже приедет. Я поменяла повязку, помогла мужу лечь в машине. Тогда еще был ранний комендантский час, когда никому нельзя было выходить из дома и ездить вечером и ночью. В машине была такая напряженная от страха атмосфера, помню, муж даже сказал мне какое-то прощальное напутствие...

Мы понимали, что всё это очень плохо, и были сильно напуганы... Ехать нам в больницу из Ирпеня было далеко, но я даже не помню, как я долетела туда за 15 минут!

Мы приехали в больницу. Когда я позже ходила в машину за вещами, охранник на входе спросил меня: «Это к вам так бежал врач?» Мы успели приехать до комендантского часа, а врач рассказывал, что его задержала полиция и он объяснял им, что идет в больницу к тяжелому пациенту, которому стало хуже.

Мужа забрали в операционную, я ждала в палате. Внутри всё

дрожало от страха: что произошло, что будет дальше?! ...Андрея привезли в палату, все были очень грустными.

Андрей после операции. Фото из личного архива

Врач сказал, что шов в одном месте разошелся и образовался свищ. Зашить его нельзя, так как может стать хуже. Что никто в этом не виноват, что это зависит от самого организма. Дальше надо время, чтобы наблюдать, как всё будет, что надо, может, где-то два месяца, чтобы оно закрылось...

Как потом врач рассказывал, что его жена, когда узнала, что такое случилось с Андреем, долго плакала. Так все переживали за «Михалыча», так хотели, чтобы операция прошла успешно и он полностью восстановился...

Врач ушел. Я обняла Андрея и расплакалась...

Мы плакали вместе, горько оплакивая нашу разрушенную мечту о новой жизни, жизни не в больнице, жизни без трубок и перевязок...

Как только произошел этот разрыв, лицо Андрея опять стало болезненным и другим...

Я проходила все стадии горевания, и мне было очень тяжело. Впервые за четыре месяца я плакала. Я плакала о своей прошлой мирной жизни, о жизни дома, а не в больнице, о том муже, который был раньше.

Всё изменилось... И было так сложно принять тот факт, что так, как было раньше, уже никогда не будет...

Я устала. Я очень устала от этого напряжения. От переживаний за здоровье мужа под вой сирен, от войны, от переживаний за сына и за своих родителей. От переживаний за наших воинов и за то, что будет дальше с нашей Украиной...

Андрей, до и после. Фото из личного архива

К тому времени Андрей похудел на 32 килограмма. Те, кто его давно не видел, уже не могли его узнать. Даже мне было тяжело привыкнуть к этим переменам. Это были как два разных человека...

Воздушные тревоги были так часто, что в больнице давно уже перестали возить и водить больных в убежище. Особенно лежачих. Все жили обычной жизнью, делали свою работу, просто за окном громко выли сирены. Однажды две ракеты прилетели недалеко от больницы, попали в многоэтажный дом, во второй этаж. Это было так громко и так страшно! Тогда все очень испугались и расстроились — и врачи, и больные... Никто не разговаривал после этого, все ходили молча.

Работа

Как-то у нас по работе было собрание онлайн. Я была уставшая,

так как в то время еще часто вставала по ночам к мужу. Включилась на собрание, выключила камеру и лежала на кровати. И так под монотонный голос коллег я уснула. Через какое-то время я проснулась от крика: «Юля, Юля, ты с нами?» Я говорю: «Да, конечно!» Они: «Так что ты скажешь?» Я вскочила и не сразу могла понять, где я. Я понятия не имела, что я должна ответить, и сказала: «Повторите, пожалуйста, вопрос, у меня были проблемы со связью, и я не расслышала!»

Мы уже привыкли жить с сиренами, почти никто не ходил в укрытия. Это было очень утомительно, так как тревоги бывали по семь часов в день.

Иногда я ездила на работу, проводила тренинги.

Тренинг в укрытии. Фото из личного архива

Так, на одном тренинге, который я вела в Киеве, тревога была

очень долго. Мне пришлось проводить тренинг в укрытии. В тот день рядом был прилет ракеты и в Киеве погибло 11 человек...

Я ухаживала за мужем и много работала. Работа была моей отдушиной, там я как будто переходила в другую реальность и не думала о войне.

Хотя работа была сложная: тяжелые судьбы людей, страшные истории, от которых шевелились волосы. Но благодаря супервизиям, поддержке друг друга в команде мы держались. Всем было тяжело, но кто-то должен был делать эту работу. Поддерживать людей, которые не справлялись. Как говорила наша супервизор: «Битый битого везет...»

Однажды я была в Ирпене и должна была выступать на международной конференции как докладчик. В этот момент из-за обстрела пропал свет. У одних наших соседей был интернет, который работал еще пару часов после отключения света. Они дали свой доступ в чате дома соседям. Спасибо им! Так я взяла стул, вышла в общий коридор, подключилась к их интернету и выступила там. Мы приспособивались к новой реальности, как могли.

Выступление на конференции из подъезда, когда из-за обстрела пропал свет. Фото из личного архива

История одной картины

Я начала рисовать эту картину еще в феврале 2022 года, когда мы с сестрами застряли в селе под обстрелами. Тогда каждый получил от племянницы по картине. У нее было их много, она любит рисовать. Мы тогда собирались все вместе и рисовали.

Позже мы смогли выехать в Польшу. И картину я забрала с собой. Я тогда не взяла много важных и необходимых вещей. Зато я привезла картину, Молитвослов, книги по психологии и резиновые сапоги! Мое состояние сделало выбор за меня.

Я рисовала там. Потом вернулась в Украину к раненому мужу. Осенью я поехала в Польшу, забрала свои вещи и привезла картину. И дорисовала ее уже тут! Это был для меня добрый знак — завершение этой картины!

Рисунок Юлии. Фото из личного архива

Осень — зима 2022 года

Дальше новым испытанием стали холода и отключения света. Осенью начали жестоко бомбить критическую инфраструктуру Украины. Так как ракеты и шахеды часто летели на Киев, то их сбивало ПВО над домами людей. От этого было много разрушений и пожаров в жилых районах, погибали гражданские... Это стало новым испытанием для наших людей.

Андрей был в больнице, я уже стала ездить домой. Первый раз свет пропал у нас более чем на сутки. Бывало, света не было по три-пять дней. Котел у нас с электрическим зажиганием, поэтому он тоже не работал. Не работает котел — нет отопления.

«Мы ходили по дому, одетые в куртки. Это не вызывало отчаяния, это вызывало еще больше злости». Фото из личного архива

Без света в квартире сразу же становилось очень холодно. Мы ходили по дому, одетые в куртки. Это не вызывало отчаяния, это вызывало еще больше злости.

Друзья, которые живут за границей, помогли нам купить генератор. Когда я работала на даче, я напоминала себе какого-то «спасателя Малибу». Если я вела тренинги и пропал свет, то я быстро сбегала со второго этажа вниз, выносила генератор на улицу, включала его, подключала интернет и бежала наверх. Через пару минут опять возвращалась на тренинг и продолжала вести его дальше.

Позже мои норвежские коллеги прислали мне электрическую батарею, которой мне хватало для работы интернета. И так я могла уже не носить тяжелый генератор на улицу. Спасибо всем, кто помогал и помогает нашей семье! Это так ценно!

Когда мужа на какое-то время отпустили из больницы, мы поехали на дачу. Там мы жили в доме сестры, недалеко от родителей, могли чаще видеться с ними и поддерживать друг друга. Также тут были меньше слышны взрывы и не были сирены.

Потом выпал снег и наступили морозы.

На даче. Фото из личного архива

Но в доме сестры была дровяная печь. Эту печь построил своими руками мой отец. Я очень горжусь этим! Эта печь была сердцем дома и согревала нас! Это спасало нас от холода, если из-за обстрелов пропадал свет.

Андрей на даче. Фото из личного архива

Когда не было света, воды на даче тоже не было. Но после опыта с селом воду я набрала во все свободные емкости уже давно. Теперь это нас выручало. Везде, где бы я ни была, я всегда теперь набирала воду.

Однажды я пошла в подвал, зашла в дальнюю комнату. В этот момент пропал свет. Я стояла в дальней комнате подвала в полной темноте. И не видела ничего, кроме темноты. Мне не было страшно. Я стала искать на ощупь выход, нашла лестницу и поднялась наверх. Взяла фонарик. И сама удивилась тому, что раньше я боялась темноты, а сейчас — нет. Это не вызывало у меня никаких чувств. Видимо, у меня было столько переживаний за жизнь в целом, что темнота больше не пугала меня...

Как-то, когда пропал свет, Андрей взял со стола фонарик и хотел

выйти в другую комнату. Потом вернулся, и оказалось, что вместо фонарика он взял солонку! Мы долго смеялись, что солонкой подсветить не получилось.

Фото из личного архива

Наши люди ничего не выбрасывают — и это нам пригодилось! Родители откопали из недр гаража глиняные баняки (большой горшок с широким горлышком, который используют для приготовления пицци в печи. — Прим. ред.). И мы начали пробовать готовить в печи.

Приготовление еды на огне, в глиняном баняке. Фото из личного архива

Первый опыт был съедобным: сделали картошку с мясом. Но переперчили и добавили мало воды. В следующий раз мы провели работу над ошибками — и всё вышло отлично! У нас уже был опыт приготовления картошки с мясом, мясной подливой, печеных яблок. Правда, еще не добрались до борща.

Также в темноте нам приходилось делать перевязки. Я купила лампу, которая работала от пауэрбанка, и она нам очень помогала. Спасибо друзьям и волонтерам, которые периодически присылали нам перевязочные материалы: они уходили просто ящиками.

Перевязки в темноте после обстрелов. Фото из личного архива

Свищ не закрылся за два месяца, как мы ожидали... Наоборот, потом их открылось еще два... Поначалу каждый новый кризис мы тяжело переживали. Иногда даже плакали вместе... Потом уже не плакали. Устали, наверное. Просто делали перевязки столько раз, сколько было нужно.

Гитара

Я долго боялась, что у мужа будет нервный срыв, — и он случился.... Он напился. Очень сильно. Был пьяный, много ругался и кричал. Кричал, что вырвет все эти трубки, что он устал... Мы оба очень устали... Много месяцев непрерывного лечения. Три сложные операции, четыре раза в реанимации, восемь месяцев лечения в больнице — всё это сказывалось на наших нервах.

Слава Богу, муж не вырвал трубки, долго и тяжело отходил от

выпитого. Опять перестал разговаривать и почти всё время лежал молча.

Муж не хотел идти к психологу, хотя имел много тяжелых воспоминаний. Однажды мы поехали и купили ему гитару. Он давно умел играть и петь, выучился сам еще в подростковом возрасте. И потом начался период, когда он играл и пел песни. Наверное, это была его психотерапия...

Андрей играет на гитаре. Фото из личного архива

Восемь месяцев муж провел в больнице. Мы очень благодарны всем врачам института им. Шалимова, они делали всё возможное и невозможное для его выздоровления. Сделали три сложные операции, спасибо всем огромное! Врачи сами говорили, что такого сложного опыта у них еще не было, только в книжках читали про что-то подобное.

В марте 2023 года Андрея комиссовали. Он очень тяжело это переживал... Как выяснилось позже, еще и документы в части выписали по ошибке на другое имя... В итоге он еще пять месяцев ждал, когда документы поменяют, не мог оформить пенсию и выплату. Всё это время он не получал никаких выплат — и это сильно угнетало его, влияло на его и без того сложное состояние.

Кольцо

Самым ценным воспоминанием сквозь все наши испытания был для меня момент, когда мой муж подарил мне кольцо.

Кольцо. Фото из личного архива

Когда-то давно Андрей сказал, что жалеет о том, что в молодости не подарил мне кольцо на помолвку! У него тогда не было возможности. И пообещал мне, что всё равно его купит и

подарит, а также поведет меня в ресторан и позовет друзей. Часто до войны говорил об этом.

Однажды, приехав из госпиталя, Андрей позвал меня, прямо в коридоре стал на колени и сказал: «Ты выйдешь за меня замуж?» И протянул кольцо! Я, смахивая слезы, сказала: «Да». А потом спросила: «Ты же хотел позвать меня в ресторан?» На что он ответил: «Вдруг я умру, а я не выполнил своего обещания! Поэтому дарю сейчас!»

С того момента это кольцо стало для меня символом бесконечной любви и жизни!

Зима 2023 года

Мы привыкали к новой жизни. Состояние Андрея более-менее стабилизировалось. Юмор и дальше спасал нашу семью. Война не закончилась. Обстрелы, к сожалению, тоже.

Андрей и Юлия. Фото из личного архива

Я всё так же много работала. Старалась приблизить нашу Победу доступными мне способами: веря в нашу Победу, молитвой за Украину и наших воинов, помогая пережить ужасы войны другим, стараясь сделать этот мир хоть немного лучше. Стараясь жить здесь и сейчас, замечать солнышко, пение птиц и хоть иногда улыбаться, напоминая себе о том, что жизнь продолжается.

Вот такая история одной семьи, в чью жизнь ворвалась война...

P.S. Семья Юлии перестала ждать полного восстановления Андрея, решили принять ситуацию такой, какая она есть, и жить. Сейчас Андрею немного легче, он может ходить, может ездить на машине, но большую часть дня он пока лежит. У него остаются два открытых свища на животе, и пять раз в день ему нужно делать перевязки. Юлия продолжает работать психологом: проводит групповые и индивидуальные сессии, тренинги. Украинцам сейчас требуется много такой помощи. Сын Юлии долгое время находился на фронте, потом приезжал на ротацию, и они смогли, наконец, повидаться. Около месяца назад сын уехал обратно — на войну. Дочь долгое время оставалась в Польше с сестрой Юлии, потом тоже вернулась в Ирпень. Сейчас работает волонтером Красного Креста, помогает раздавать гуманитарную помощь. Родители так и не перебрались назад в Киев: их квартира находится в небезопасном районе, туда часто прилетает. Они до сих пор живут на даче. Там тоже слышны взрывы, но там не работают сирены, и поэтому там легче. И хотя во время недавнего массированного обстрела сбитый шахед упал всего в двух километрах от дачи родителей — их дом аж подпрыгнул, всё равно они уверены, что на даче безопаснее. Одна из сестер Юлии теперь живет с мужем и четырьмя детьми в Швейцарии. Другая — с дочкой в Польше, где открыла центр для украинских детей, в нем есть кружки по танцам, рисованию, вокалу и хореографии, и выступления ее воспитанников

пользуются в Польше популярностью.

Долгожданная встреча с сыном. Фото из личного архива